

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
Д40

Серия «Вселенная Стивена Kinga»

Shirley Jackson

THE LOTTERY AND OTHER STORIES

Перевод с английского *В. Дорогокупли*

Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева*,
студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
А.М. Heath и Andrew Nurnberg.

Джексон, Ширли.

Д40 Лотерея : [сборник] / Ширли Джексон ; [перевод с английского В. Дорогокупли]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Вселенная Стивена Kinga).

ISBN 978-5-17-123223-8

Ширли Джексон называли «единственной практикующей ведьмой среди современных писателей». И в самом деле, от ее рассказов веет какой-то «чертовщинкой»: в лабиринтах сюжетов причудливо смешиваются абсурд и загадка, создавая ни на что не похожую «сомнамбулическую» атмосферу, где сложно отличить реальность от вымысла. С первой же страницы возникает и ощущение, что зло совсем рядом, — по мнению Джексон, оно таится в душах людей, погрязших в предрассудках и жестокости. Ярче всего предчувствие ужаса проявляется в заглавном рассказе, «Лотерея», который стал классикой американской новеллистики XX века и трижды был экранизирован.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Shirley Jackson, 1948, 1949
© Renewed Laurence Hyman, Barry Hyman, Sarah
Webster and Joanne Schnurer, 1967, 1977
© Перевод. В. Дорогокупля, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-123223-8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир Ширли Джексон тревожно-загадочен и незабываем. Здесь все на самом деле не так, как кажется; и даже ясным солнечным днем в разгар лета не покидает ощущение, что рядом затаился мрак и события неминуемо обернутся к худшему. Автор занимает при этом позицию стороннего наблюдателя, тщательно записывающего увиденное. Эти истории создают волшебную, «сомнамбулическую» атмосферу, погружаясь в которую читатель меняется и сам, ибо прочитанное накладывает печать на его сознание и воображение.

Для прозы Ширли Джексон характерны простота и в то же время удивительная отточенность стиля; обходясь без лишних слов и вычурных оборотов, она умудряется передавать мельчайшие детали происходящего и тончайшие смысловые оттенки. Действие ее рассказов происходит большей частью в провинциальных городках, на кухнях или в гостиных. Ее герои погрязли в предрассудках, теща свое самолюбие ощущением превосходства над «чужаками» — то есть над всеми нами. Они живут в обшарпанных домишках или в меблированных комнатах других людей, не имея реальной точки опоры; в психологическом плане они сами — лишь «временные постояльцы». Люди этого типа, какими бы ни были их цели и притязан-

ния, практически всегда остаются незаметными для «большого мира». Их самих, однако, очень заботит то, как они выглядят в чужих глазах; они с молоком матери впитали своеобразные понятия о правилах и приличиях, и в каждом из них таится немалая доля врожденной жестокости. В их мирке главную роль играет то, каким выглядит человек в глазах местного общества и насколько он способен вписаться в это общество, — а чужаки, как правило, не вписываются. Таков сюжет в самых общих чертах. По ходу его развития все выворачивается наизнанку, сугубо личные переживания становятся вдруг достоянием общечеловечности, напряжение нарастает, атмосфера электризуется в предчувствии какой-то страшной драмы: вот-вот должно случиться что-то странное, и сюрприз будет наверняка не из приятных. Картина событий выписана очень рельефно, как в лучах предзакатного солнца — в стиле Эдварда Хоппера¹, — когда боковое освещение четко высвечивает одну сторону предмета и отбрасывает длинную тень от другой. Нетрудно представить себе лица ее персонажей, которых время отнюдь не щадит: с годами их черты становятся все более жесткими и заостренными, свой след на них оставляет и беспробудное пьянство. Это истории о намерениях и реальных поступках; это исследование психопатологии повседневной жизни захолустных городков Америки. Читая Ширли Джексон, невольно вспоминаешь рассказы Раймонда Карвера², который точно так же умел создавать меланхоличе-

¹ Эдвард Хоппер (1882–1976) — американский художник, мастерски использовавший сочетание яркого света и тени.

² Раймонд Карвер (1938–1988) — американский писатель и поэт, признанный крупнейшим англоязычным новеллистом второй половины XX в.

скую дымку, пронизывающую все его произведения. Но Джексон, кроме того, умеет быть и чрезвычайно занимательной: недаром в свое время Дизи Арназ¹ предлагал ей писать сценарии для Люсиль Болл².

Двадцать пять рассказов из сборника «Лотерея» — изначально имевшего подзаголовок «Приключения Джеймса Харриса», — предлагают читателю настоящее литературное наслаждение. Заглавный рассказ, «Лотерея», настолько прочно вошел в сокровищницу американской новеллистики двадцатого века, что, кажется, проник и в само сознание американцев, в наше коллективное подсознание. В своих историях — вспомним образы нетрезвого гостя и рассудительной девочки из рассказа «Опьянение» (эти юные особы всегда все знают лучше всех, понимая и осуждая действия взрослых, в особенности мужчин) или благонамеренную расистку миссис Уилсон из рассказа «После вас, милейший Альфонс» — Джексон постоянно обращается к темам нравственного выбора, душевной чистоты детей в сравнении со взрослыми, а также нетерпимости общества, в котором человека подвергают травле лишь потому, что он не похож на остальных. Ее рассказы замечательны еще и тем, что автор, открывая читателям мир своих героев во всех деталях, никогда не нарушает незримой границы, отделяющей этот мир от реальности.

Джексон работает очень тщательно, описывая вещи так, будто разглядывает их через мощное увеличительное стекло, и потому знает о них больше, чем можно было бы увидеть невооруженным глазом.

¹ Дизи Арназ (1917–1986) — американский музыкант, актер и телевизионный продюсер.

² Люсиль Болл (1911–1989) — американская комедийная актриса, звезда популярного телесериала «Я люблю Люси».

Ее авторский голос столь же уникален, как отпечаток пальца, и он доносит до нас истину в чистом виде.

Реакция на произведения Джексон была осложнена тем, что критики не могли понять — или скорее принять — писательницу, способную создавать как серьезную прозу, так и «чтиво для домохозяек» (такое тоже выходило из-под ее пера). Ко всему прочему, Джексон хотела, чтобы ее считали не «писательницей», а «писателем», хотя такой подход и по сей день не очень-то приветствуется в издательской индустрии. Так или иначе, ей удалось добиться своего: даже именуемая «писательницей», она не позволяла этому определению хоть как-то отражаться на ее взглядах и таланте; будучи женой и матерью четверых детей, она тем не менее не желала подстраиваться под «женский стандарт», принятый в дофеминистскую эпоху. Такое удавалось лишь очень немногим — в этом смысле Ширли Джексон напоминает английскую писательницу Анджелу Картер¹, которая также не связывала себя рамками какого-то конкретного жанра, не считая нужным отделять хоррор, научную фантастику и тому подобное от «серьезной литературы». Грейс Пэйли² однажды обрисовала взаимоотношения «писателя и писательницы» следующим образом: «Писательницы всегда отдавали писателям должное, внимательно читая их сочинения, однако писатели не оказывали им ответной любезности». Писательница, ориентирующаяся не на сугубо женскую аудиторию, а на широкого читателя, вынуж-

¹ Анджела Картер (1940–1992) — английская писательница и журналистка. Писала в разных жанрах: магического реализма, готики, сюрреализма, детской литературы и др.

² Грейс Пэйли (1922–2007) — американская писательница и политическая активистка.

дена преодолевать глубокую пропасть между этими двумя авторскими ипостасями.

Мужа Ширли Джексон звали Стэнли Хаймен; он был литературным критиком и преподавателем колледжа в Беннингтоне — городке, отчасти послужившем прототипом поселения, описанного в «Лотерее». Любопытно представлять себе Ширли Джексон как «миссис Стэнли Хаймен» — писателя, «замаскировавшегося» под преподавательскую жену и мать семейства. «Миссис Стэнли Хаймен» — это имя очень созвучно ее времени, являясь идеальным прикрытием, под которым она незаметно для окружающих может наблюдать за ними, делать заметки и писать свои книги. «Миссис Стэнли Хаймен» — это как раз то, что надо.

Какими же словами коротко представить читателю эти рассказы (если они вообще нуждаются в представлении)? Они великолепны, и время над ними не властно — они столь же актуальны сегодня, как и в день их первой публикации. Сочинения Джексон просто необходимо прочесть тем, кто хочет посвятить себя литературному творчеству, а также тем, кто стремится понять суть американской культуры двадцатого века. Ведь Ширли Джексон — настоящий мастер слова.

*Э. М. Хоумз¹
Октябрь 2004 г.*

¹ Э. М. Хоумз (р. 1961) — американская писательница, автор скандального романа «С Алисой покончено» (1996).

ОПЬЯНЕНИЕ

Он был достаточно хорошо знаком с хозяйевами и планировкой дома, чтобы в разгар вечеринки самовольно отправиться на кухню — якобы за льдом, а на самом деле с целью слегка протрезветь, ибо он не был другом семьи в той степени, которая позволяла спокойно прикорнуть на кушетке в гостиной. Компанию он покинул без сожаления — к тому моменту большинство сгрудилось у пианино и хором распевали «Звездную пыль»¹, а хозяйка дома беседовала о чем-то важном с унылым юношей в элегантных очках. Стараясь не шуметь, он проследовал через столовую, где глубокомысленно дискутировали четверо или пятеро гостей, пристроившись на жестких стульях с прямыми спинками. Двустворчатые двери кухни распахнулись при легком нажатии; войдя, он присел за эмалированный стол, положив ладонь на его чистую прохладную поверхность. Затем поставил бокал на одну из ключевых точек в зеленом узоре столешницы, поднял глаза и обнаружил сидящую напротив девчонку, которая, в свою очередь, внимательно его разглядывала.

— Привет, — сказал он. — Вы дочка?

— Эйлин, — назвалась она. — Да.

¹ «Stardust» — джазовый стандарт Х. Кармайка (1927), текст песни написал М. Пэриш.

Она показалась ему какой-то нескладной и мешковатой. «Это все из-за той бесформенной одежды, которую носят нынешние девицы», — промелькнуло в затуманенной голове. Ее темные волосы были разделены прямым пробором и заплетены в две косы; лицо юное и свежее, без признаков макияжа, да и одета по-домашнему — в простенький лиловый свитер.

— У вас приятный трезвый голос, — сказал он и с опозданием понял, что это не самый подходящий комплимент для столь юной особы.

— Я как раз собиралась выпить чашечку кофе, — сказала она. — Не угодно ли составить компанию?

Он чуть не рассмеялся при мысли, что девчонка, похоже, считает себя докой по части укрощения тупых пьянчуг.

— Спасибо, — ответил он, — не откажусь.

Ему было трудно сфокусировать взгляд, и когда она поставила перед ним чашку горячего кофе со словами: «Вам, наверно, лучше черный», — он нагнулся над паром, не закрывая глаз, в надежде таким способом взбодриться.

— Судя по звукам, вечеринка удалась, — сказала она без признаков энтузиазма в голосе. — Каждый нашел себе занятие по душе.

— Славная вечеринка, — согласился он и начал, обжигаясь, прихлебывать кофе, дабы показать, что ее старания не были напрасны. В голове и впрямь слегка прояснилось, и он сказал с улыбкой:

— Мне уже лучше — благодаря вам.

— Должно быть, в комнатах жарковато, — сказала она с утешающей интонацией.

Тут он не выдержал и расхохотался. Девчонка нахмурилась, но потом, видимо, решила не обижаться и преспокойно продолжила:

— Наверху было очень жарко, и я спустилась, чтобы немного посидеть здесь.

— Вы спали? — спросил он. — Должно быть, мы вас разбудили.

— Я делала уроки, — сказала она.

Он взглянул на девочку еще раз и представил себе ее мир: сочинения на заданную тему, аккуратно исписанные тетради, потрепанные учебники, перекидывание записочками на уроках.

— Учишься в школе? — спросил он.

— Да, в старшем классе.

Она помолчала, словно ожидая от него какой-то реакции, а потом добавила:

— Я пропустила один год из-за воспаления легких.

Надо было что-то сказать, но он не мог придумать подходящей темы (о мальчиках? о школьном баскетболе?) и потому сделал вид, что прислушивается к звукам, доносящимся из гостиной.

— Да, вечеринка славная, — повторил он.

— Вы, надо полагать, любитель вечеринок, — сказала она.

Сбитый с толку этим замечанием, он наклонился над уже пустой чашкой. Судя по ее тону, девочка была вполне готова к тому, что в следующий момент он вообразит себя гладиатором, выходящим на арену против диких зверей, или начнет как безумный вальсировать сам с собой по саду. «Милая моя, я почти вдвое старше тебя, — подумал он, — однако еще не забыл, как сам делал уроки».

— В баскетбол играешь? — спросил он.

— Нет, — сказала девочка.

Он чувствовал себя обязанным поддерживать беседу, поскольку явился на кухню позже ее, да и, в конце концов, это был *ее* дом.

— И каково твое домашнее задание?

— Сочинение о будущем нашего мира, — сказала она и улыбнулась. — Звучит как-то глупо, правда? По-моему, ужасно глупо.

— В столовой сейчас рассуждают на ту же тему, и это одна из причин, почему я оттуда ушел.

Она явно не поверила его словам насчет причины ухода, и тогда он поспешил добавить:

— Ну и что же ты думаешь про будущее нашего мира?

— Вряд ли его ждет большое будущее, — сказала она, — если судить по его настоящему.

— Мы живем в интересное время, — произнес он таким тоном, будто все еще беседовал с гостями на вечеринке.

— По крайней мере, потом мы не сможем уверять, будто не ведали, что творим, — сказала она.

С минуту он молча смотрел на девчонку, а та откровенно разглядывала носок своей мягкой кожаной туфли, покачивая ею вверх-вниз.

— Воистину страшно жить во времена, когда шестнадцатилетней девушке приходится думать о таких вещах, — сказал он, испытывая искушение насмешливо добавить: «В мое время девицы не думали ни о чем, кроме танцулек и поцелуев».

— Мне уже семнадцать. — Она подняла на него глаза и снова улыбнулась. — Это огромная разница.

— В мое время, — сказал он, пожалуй, переусердствовав с ударением на слове «мое», — девицы не думали ни о чем, кроме танцулек и поцелуев.

— В этом-то и беда, — сказала она серьезно. — Если бы во времена вашей молодости люди по-настоящему боялись за свое будущее, сейчас было бы не так паршиво.

Отвечая, он невольно взял более резкий тон (времена его молодости, надо же!) и чуть отвернулся, как бы показывая, что лишь по доброте душевной снисходит до столь откровенного разговора с ребенком.

— Помнится, мы тоже волновались за свое будущее. Наверно, всем детям в шестнадцать-семнадцать лет свойственны подобного рода страхи. Это все, как и мимолетные влюбленности, издержки переходного возраста.

— А я все время представляю себе, как это будет происходить. — Она говорила негромко, но очень отчетливо, обращаясь к какой-то точке на стене позади него. — Мне почему-то кажется, что первыми рухнут церкви — даже раньше, чем Эмпайр-стейт-билдинг. Затем все большие дома, стоящие вдоль реки, вместе с жильцами начнут медленно сползать в воду. А потом школы — возможно, как раз посреди урока латыни, когда мы будем читать Цезаря. — Она посмотрела ему прямо в лицо, потрясенная собственными фантазиями. — Всякий раз, когда мы начинаем очередную главу «Записок»¹, я гадаю: вдруг это та самая глава, которую нам не суждено дочитать? Может статься, на том уроке латыни мы окажемся последними в мире людьми, читавшими Цезаря.

— И это будет хоть каким-то утешением, — игриво подхватил он. — Я терпеть не мог этого Цезаря.

— Полагаю, во времена вашей молодости все школьники ненавидели Цезаря, — заметила она холодно.

Он чуть помедлил с ответом.

— Думаю, тебе не следует заикливаться на этих кошмарах. Лучше купи журнал мод и листай его в свое удовольствие.

— Да я смогу даром набрать столько журналов, сколько захочу, — упрямо возразила она. — Туннели подземки обвалятся, а все журнальные киоски на

¹ «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря традиционно являются первым произведением, изучаемым в латинских классах.

перронах будут разбиты — бери не хочу. И в придачу шоколадки, губная помада, искусственные цветы... А на мостовой перед магазинами будут валяться модные платья и меховые манто.

— Надеюсь, винные лавки тоже будут гостеприимно открыты, — сказал он, начиная испытывать раздражение. — Тогда я отоварюсь ящиком лучшего коньяка и думать забуду обо всех этих напастях.

— А офисные здания превратятся в груды обломков, — вещала она, широко раскрыв глаза. — Если бы только заранее знать минуту, когда все это произойдет...

— Понимаю, — сказал он. — Пожалуй, мне пора вернуться к другим гостям.

— После этого все уже будет по-другому, — продолжала она. — Исчезнет все, что делало этот мир таким, какой он сейчас. Изменятся правила, изменится образ жизни. Быть может, появится закон, обязывающий жить под открытым небом, чтобы всегда оставаться на виду друг у друга.

— А может, появится закон, обязывающий семнадцатилетних предсказательниц учиться в школе уму-разуму.

— Школ уже не будет, — сказала она бесцветным голосом. — И никто не будет учиться. Чтобы не повторить нынешних ошибок.

— Что ж, — сказал он, усмехнувшись, — ты очень занимательно это описала. Даже обидно, что я этого никогда не увижу.

Уже выходя из кухни, касаясь плечом двери, он задержался. Очень хотелось произнести напоследок что-нибудь этакое по-взрослому умное и едкое, но он боялся показать, что на самом деле задет ее словами, ибо «во времена его молодости» никому из его сверстников рассуждать подобным образом и в голову не приходило.